

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

НЕУДАЧНЫЕ КНИГИ НА ВАЖНУЮ ТЕМУ

В. Ф. Зыбковец. *Дорелигиозная эпоха. К истории формирования общественного сознания*. М., Изд. АН СССР, 1959; В. Ф. Зыбковец. *Всегда ли существовала религия*. М., Госполитиздат, 1959.

Для марксиста не подлежит сомнению, что религия есть явление историческое и, следовательно, она возникла на каком-то этапе общественного развития. Нарисовать картину жизни людей того времени, когда религии еще не было — благодарная и интересная задача, имеющая большое значение не только в конкретно-историческом, но и в философском, мировоззренческом плане. Необходимо при этом отдавать себе полный отчет в трудностях, с которыми связано ее решение.

Основная трудность заключается в скудости источников и фактических материалов, причем эта скудость связана не только и не столько с переживаемым наукой в данный момент этапом, сколько с самим существом дела. Применительно к вопросу об общественном сознании человека на древнейшей стадии его истории и этнографические, и археологические, и лингвистические материалы могут истолковываться не непосредственно, а лишь при помощи целой системы аналогий, догадок, гипотез, далеко не всегда легко доказуемых. Из этого вытекает необходимость большой тщательности и осторожности в анализе фактического материала и в тех выводах, которые делаются исследователем из этого материала. Отсюда, с другой стороны, имеет особое значение правильный методологический подход к трактуемым проблемам, поскольку в ряде случаев, не находя достаточно убедительных фактических данных по тому или иному вопросу, исследователь вынужден ограничиться общетеоретическим его решением в свете основных принципов и положений исторического материализма.

Автор рецензируемых работ широко пользуется данными этнографии, археологии и лингвистики, он часто прибегает к общефилософским и конкретно-историческим высказываниям классиков марксизма-ленинизма. Нельзя отказать ему в умении сгруппировать материал, сформулировать свою точку зрения хорошим литературным языком, в энергичной полемической манере. Он стоит на правильной общей позиции в том отношении, что, действительно, возникновению религии в истории человечества предшествовала дорелигиозная эпоха.

И все же рецензируемые работы в целом приходится признать неудачными, а замисел — неосуществленным. Основную роль здесь играет вопрос о той научной аргументации, о тех средствах, с помощью которых он защищает правильное в общем положение о существовании дорелигиозной эпохи в истории человечества.

* * *

В основе всей аргументации В. Ф. Зыбковца лежит положение о том, что религию следует рассматривать лишь как «более или менее определенную систему превратных представлений, понятий и культа» и что «как таковая она возникает сравнительно поздно»¹. В другом случае автор прибавляет к этой совокупности элементов, составляющих религиозную систему, еще «чувствования»². В третьем случае В. Ф. Зыбковец прибавляет к перечисленным признакам понятия религии еще следующие: «система верований», «сколько-нибудь устойчивое и определенное мировоззрение»³. Такое мировоззрение возникает, по его мнению, лишь в мадлене, а «весь древний, средний и отчасти поздний палеолит, включая ориньяко-солютрейское время, входит в дорелигиозную эпоху»⁴.

¹ В. Ф. Зыбковец, *Дорелигиозная эпоха*, стр. 60.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 164.

⁴ Там же, стр. 247.

Прежде чем заняться разбором этой концепции по существу, сопоставим ее с высказываниями Ф. Энгельса по данному вопросу. Общеизвестно определение религии, данное соратником Маркса: «...всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»⁵. Энгельс вовсе не считает непременным признаком религии систематичность верований, их устойчивость и определенность. Раз есть фантастическое отражение действительности в сознании, притом такое отражение, в котором земные силы принимают форму сил неземных, т. е. сверхъестественных,— значит, есть и религия. А когда она возникает? «Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе»⁶. Очевидно, что построение В. Ф. Зыбковца расходится со взглядами Энгельса, не устойчивая и определенная система представлений, чувствования, культа и т. д., а просто «фантастическое отражение»; не «сравнительно поздно», а «в самые первобытные времена».

Оба пункта концепции В. Ф. Зыбковца тесно между собой связаны, ибо если религий можно считать только «систему», то ее возникновение следует относить к весьма позднему, а не «самым первобытным» временам. Но почему мы должны считать религиозными только те верования, которые укладываются в систему? Почему мы должны отказывать в этой квалификации тем туманным, сбивчивым, противоречивым, обрывочным верованиям, которые характерны для сознания первобытных народов на весьма ранних стадиях их развития, если эти верования представляют собой фантастическое отражение действительности? Кстати, едва ли будет В. Ф. Зыбковец утверждать, что «высшие» религии свободны от сбивчивости и противоречивости и что их догматика очень уже «систематична» и «определенна»!

Скажем прямо: в требовании признавать «подробно религиозными» только верования «систематических» религий В. Ф. Зыбковец не оригинален. Он невольно идет здесь по стопам тех богословов, которые озабочены явной генетической связью их единоспасающих религий со всеми, по выражению Энгельса, первобытными глупостями и которые всеми силами стремятся отмежеваться от такого компрометирующего родства. Всякие анимизмы и фетишизмы, с их точки зрения,— вовсе не религия, это просто суеверия и заблуждения, а религия начинается с веры в высшее существо, в рай и ад и т. д. Есть среди богословов и такие, которые усматривают религию только там, где налицо вера в единого бога. Неудивительно, что многие миссионеры прежних времен не находившие у «примитивных» народов веры в троичного бога и богородицу, объявляли эти народы не знающими религии. Конечно, мы не собираемся ставить тов. Зыбковца на одну доску с апологетами религии, но нельзя не видеть того, что отрыв религии как «устойчивой системы» от диких «первобытных глупостей» — это искусственный прием, противоречащий научному методу исследования религии и именно поэтому используемый нашими противниками.

В применении к конкретному этнографическому и археологическому материалу искусственность этого приема неизбежно толкает на натяжки и тенденциозные истолкования фактов. В рецензируемых работах В. Ф. Зыбковца это сказалось особенно ярко в разделах, посвященных этнографическому материалу о тасманийцах.

* * *

Используя этнографические данные о тасманийцах, В. Ф. Зыбковец выражает надежду «посредством некоторых проекций, опирающихся на бесспорные факты», достигнуть «в некоторых отношениях... домустерской эпохи археологической периодизации»⁷. Он признает, что тасманийцы — не неандертальцы, но находит у них «некоторые пережиточные явления, наблюдаемые в памятниках мустерской эпохи как явления типические»⁸. За этой осторожной формулировкой скрывается стремление подвести тасманийцев по возможности ближе к неандертальцу, а их культуру — к мустье. В одном случае автор оценивает культуру тасманийцев как ориньяко-солотрейскую⁹, но в ряде других своих высказываний он настойчиво тянет ее к мустье. Например, он находит для нее место между мустье и ориньяком: «В орудиях труда тасманийцев обнаруживаются черты обеих упомянутых культур или стадий»¹⁰. Он утверждает, что «живые свидетельства тасманийского быта могут оказать существенную помощь в деле правильного истолкования памятников мустерской эпохи». Следует оговорка о том, что «конечно, тасманийцев нельзя считать ровесниками неандертальцев», но за ней идет столь же категорическое утверждение, что «тасманийцы являются ближайшими этнографическими соседями неандертальцев на исторической шкале и в силу только (подчеркнуто мною.— И. К.) одного этого обстоятельства заслуживают самого пристального

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, О религии, М., 1955, стр. 113.

⁶ Там же, стр. 202.

⁷ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 121.

⁸ Там же, стр. 122.

⁹ Там же, стр. 133—134.

¹⁰ Там же, стр. 131.

изучения»¹¹. Только потому, что они — почти неандертальцы... А так ли это на самом деле?

В реакционной колониалистской литературе есть попытки оправдывать зверское истребление тасманийцев английскими захватчиками тем, что истребленные были даже не совсем люди, а полулюди-полузвери... И какими бы сердитыми словами по адресу убийц ни сопровождалось описание их гнусных «подвигов», как бы ни были выразительны сами эти описания, но изображать тасманийцев почти неандертальцами — значит идти на поводу у таких тенденций. А по существу это сближение тасманийцев с неандертальцами грубо неверно и противоречит всему, что знает о них как антропология, так и этнография.

В. Ф. Зыбковец утверждает, что «тасманийцы..., по общему мнению этнографов, были самыми первобытными из всех народов, когда-нибудь известных науке»¹². В обеих рецензируемых книгах мы находим неоднократно ссылки на изданный Институтом этнографии том «Народы Австралии и Океании», поэтому невозможно представить незнакомство автора с тем, что сказано в этом издании о тасманийцах. Между тем там, наряду с теорией наибольшей первобытности тасманийцев, подробно излагаются и взгляды группы этнографов во главе с С. П. Толстым, заключающиеся в том, что тасманийцы иммигрировали не из Австралии, а из Новой Каледонии, где они в свое время стояли на более высоком уровне развития, деградировав лишь в новом месте своего обитания¹³. Стало быть, нельзя в данном случае ссылаться на «общее мнение этнографов», даже если сам автор придерживается этого мнения.

Впрочем, В. Ф. Зыбковец дает весьма невысокую оценку работам советских авторов о тасманийцах и тасманийской культуре. Строго пожурив наших этнографов за то, что они дали по этому вопросу всего лишь «несколько компилятивных сочинений»¹⁴, он отвечает с положительной стороны лишь небольшую главу из популярной работы М. О. Косвена, хотя и она, по его мнению, не восполняет зияющий пробел. Основное, что не удовлетворяет здесь В. Ф. Зыбковца, состоит в том, что в нашей литературе не отмечено столь существенное обстоятельство, как безрелигиозность тасманийцев к моменту появления европейцев на острове.

Действительно, если бы у тасманийцев не было ни религиозно-мистических представлений, ни магической практики, то установление этого обстоятельства представляло бы очень большой интерес. И в построении В. Ф. Зыбковца оно занимает важнейшее место. У него получается довольно стройная картина: тасманийцы — самый первобытный из известных науке народов, почти неандертальцы, и у них нет никакой религии, налицо прямой и неотразимый аргумент в пользу того, что в истории человечества была дорелигиозная эпоха и что религия возникла «сравнительно поздно». К сожалению, «прямой» аргумент оказывается просто неправильным.

Религия у тасманийцев была, что засвидетельствовано с полной точностью материалами путешественников и исследователей, работавших непосредственно среди тасманийцев. Однако как это ни странно, В. Ф. Зыбковец не соглашается верить показаниям очевидцев.

Он пишет: «Свидетельства очевидцев не могут служить сколько-нибудь (!) надежным основанием для решения проблемы религиозности тасманийцев»¹⁵. В качестве причины своего недоверия к показаниям очевидцев В. Ф. Зыбковец указывает на то, что эти показания нередко противоречат друг другу. Согласиться с ним в этом вопросе невозможно. Для этнографии данные, собранные на месте полевыми исследователями, т. е. именно очевидцами, являются первичным материалом, который ничем не может быть заменен. Если они иногда бывают противоречивы, то задача исследователя заключается как раз в том, чтобы при помощи их сопоставления и тщательного анализа выяснить достоверную картину и сделать правильные выводы, основанные не на недоверии к фактам, а на их критическом изучении. В противном случае наука была бы вынуждена ориентироваться на априорные произвольные домыслы, основанные на «интуиции». Впрочем, автор не закрывает для себя и путь использования показаний очевидцев.

Если бы В. Ф. Зыбковец просто отбросил все сообщения полевых исследователей, изучавших тасманийцев, он, конечно, лишил бы себя всяких источников фактического материала, но, по крайней мере, проявил бы известную последовательность. Этого он, однако, не делает и из приводимых им противоречивых показаний, не аргументируя, объявляет правдоподобными именно те, которые согласуются с его взглядами. Заслуживающими доверия свидетелями оказываются только те, которые сообщают, что они не обнаружили религии у тасманийцев. Мы уже говорили выше о тех причинах, которые побуждают многих христианских церковников отрицать религиозность остальных народов; это полностью приложимо и к данному случаю. Здесь, однако, присоединяется еще один побудительный мотив: утверждение, что тасманийцы были лишены религии¹⁶,

¹¹ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 126—127.

¹² Там же, стр. 122.

¹³ «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956.

¹⁴ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 126.

¹⁵ Там же, стр. 147.

¹⁶ Там же, стр. 149.

дополняет в глазах буржуазного читателя еще одним штрихом звероподобный облик существ, которых не так уж грешно было и истребить... Разумеется, мы далеки от того, чтобы приписывать В. Ф. Зыбковцу солидарность с такими взглядами, но хотели бы все же обратить его внимание на эту сторону вопроса.

Мобилизуя аргументы в пользу тезиса о безрелигиозности тасманийцев, автор обращается к данным об их языке. Правда, почему-то он пренебрегает в этом случае тем обстоятельством, что данные о языке тасманийцев доступны ему только в передаче тех же «сочевидцев» и что, следовательно, здесь-то уже пресловутая ненадежность выступает во всем своем значении. Но на помощь приходит все тот же прием — то, что идет наперекор заранее принятой априорной концепции, бракуется по причине очевидной для автора недостоверности.

В. Ф. Зыбковец всерьез считает, что словарный запас языка тасманийцев состоял менее чем из 500 слов¹⁷.

Это представление основано у автора на приложенных к работе Г. Линг-Рота¹⁸ словарях. И эти же словари оказываются для него наиболее сильным аргументом в пользу безрелигиозности тасманийцев. Нет в языке тасманийцев слов «бог», «сотворение мира»¹⁹, «дух», «душа»²⁰, нет терминов, обозначающих загробный мир, рай и ад и т. д. Даже не обращаясь к составленной Линг-Ротом словарной сводке, можно быть уверенным в том, что тасманийцы не знали слов «богородица», «первородный грех» и «страшный суд». Но при мало-мальски серьезном подходе к вопросу можно ли на этом основании делать вывод об их безрелигиозности?!

Впрочем, что уж говорить о богородице, когда в языке тасманийцев не оказывается даже слова, обозначающего тень. Правда, слово-то вообще такое есть, но В. Ф. Зыбковцу нужно, чтобы его не было. Ссылаясь на Бонвика, Тэйлор сообщает, что у тасманийцев слово «тень» означает одновременно и «призрак» и «дух». «Мы проверили, — сообщает В. Ф. Зыбковец, — эту ссылку и установили, что она правильна». Но основания для того, чтобы все-таки признать ее неправильной, немедленно обнаруживаются: «Из каких источников это стало известно Бонвику — он умалчивает. Не ясно ли, что ссылка Тэйлора на указанное место сочинения Бонвика по меньшей мере неосновательна, поскольку источник Бонвиком не назван»²¹. С такой же замечательной «основательностью» отвергает В. Ф. Зыбковец аналогичное слово в словаре, составленном Уолкером. Аргумент простой: в других словарях тасманийского языка нет этого слова, — значит, и в этом его не должно было бы быть!

Ни один из указанных «словарей» тасманийского языка не может ни в коей мере претендовать на полноту, а тем более на исчерпывающий характер. В каждом из них перечислены те слова, которые тому или иному путешественнику или миссионеру удалось услышать и записать в ходе чаще всего кратковременного общения с тасманийцами. Отсутствие того или иного слова в этих перечнях не дает никаких оснований утверждать, что его не было в языке тасманийцев. К тому же в тех «словарях», о которых идет речь, как раз фигурируют некоторые слова, несомненно имеющие религиозно-мистический смысл. Есть, например, целых восемь синонимов для обозначения понятия «дьявол», «черт», «злой дух». Есть, помимо того, слово («Муррамбуканья»), расшифровываемое составителем, как «колдунья, или женщина-домовой в одежде из травы или коры»²². Последний термин В. Ф. Зыбковец просто обходит, а что касается слов, обозначающих «злой дух», то он отказывается истолковывать их так, как это делают люди, которые непосредственно на месте изучали язык тасманийцев. «Вряд ли, заявляет автор, они (тасманийцы. — И. К.) представляли себе что-нибудь подобное»²³. А вместо доказательства этого следует малопонятное, изобилующее всякими «вероятно» и «возможно» рассуждение, логический ход которого даже воспроизвести трудно...

Не убеждает В. Ф. Зыбковца даже приводимые им самим сообщения о вере тасманийцев в злых и добрых духов, о вере в загробную жизнь, о молитвенных обращениях к добрым духам, о предметах, которые выглядят как явные параллели к австралийским чурингам, о табу, о распространенной магической практике. В каждом таком случае он находит возможность чем-нибудь скомпрометировать источник сообщения или, совершив логический скачок, перейти к другому вопросу, будто бы не заметив, что только что опроверг самого себя²⁴. Иногда он, впрочем, оказывается просто вынужденным сделать уступку совершенно очевидным фактам. В связи, например, с табу, «касающихся питания и отношения к мертвым», говорится, что «в этих запретах более или менее явно проступают тенденции тасманийцев к извращенному мистическому толкованию некоторых явлений действительности»²⁵. Религиозных верований нет, а есть тенденции к мистическому толкованию. — пожалуй, без «тенденций к мистическому толкованию» этого не поймешь. Автор не в состоянии отрицать и того, что «у тасманийцев

¹⁷ В. Ф. Зыбковец, Всегда ли существовала религия, стр. 22.

¹⁸ H. Ling-Roth, The Aborigines of Tasmania, Halifax, 1899.

¹⁹ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 147.

²⁰ Там же, стр. 154.

²¹ Там же.

²² H. Ling Roth, Указ. раб., Appendix A, стр. LXVI.

²³ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 152.

²⁴ Там же, стр. 144—146, 166—167 и др.

²⁵ Там же, стр. 179.

уже заметны так называемые «магические приемы врачевания болезней»²⁶. Но если была магия, то были и религиозные верования, связанные с ней. Но так далеко последовательность В. Ф. Зыбковца не идет: это, мол, случаи, которые «еще рано возводить в мистическую систему»²⁷. И что самое удивительное здесь — эти несчастные для теории безрелигиозности тасманийцев случаи В. Ф. Зыбковец склонен объяснить влиянием христианских миссионеров. Речь идет о таких магических приемах, как ношение подвешенных на шею костей рук и ног, челюстей и даже целых черепов умерших друзей или родственников. Именно такого рода культ миссионеры распространяли среди тасманийцев?

* * *

Посмотрим теперь, каков научный уровень использования археологического материала в рецензируемых работах.

Первое место в системе археологических доказательств позднего происхождения религии занимают у В. Ф. Зыбковца материалы, относящиеся к неандертальским погребениям. Автор категорически отрицает их религиозный характер. Как известно, этот вопрос послужил в свое время предметом дискуссии на страницах журнала «Советская этнография»²⁸. Действительно, если даже признать, что неандерталец относился с известной заботой к телам умерших близких, это все же не дает оснований считать, что он исходил при этом из веры в их загробное существование. В. Ф. Зыбковец пытается дать свое объяснение и тех причин, которые могли побудить неандертальского человека хоронить умерших; точнее сказать, он имеет в виду не погребение и не захоронение, а, выражаясь его терминологией, сохранение трупов.

Автор обращает особое внимание на то, что среди найденных неандертальских захоронений некоторая часть принадлежит детям. Из данных, приведенных в журнале «Советская этнография» А. П. Окладниковым в 1952 г., следует, что в числе 18 найденных останков 8 — детские; в 1953 г. к этому списку прибавилась старосельская находка А. А. Формозова — тоже детский костяк. Таким образом, в общем из 19 погребений 9 оказываются детскими. В. Ф. Зыбковец тщательно выписывает все связанные с этим материалы и подводит итог, несколько грешащий против арифметики: у него оказывается уже 20 костяков, из них 10 — детских²⁹. Можно было бы не обращать внимания на эту небрежность, если бы в ней не сказывалась тенденциозность автора.

Он, однако, на этом не останавливается. Приведя цифру 10 из 20, автор в дальнейшем оперирует формулой о «преобладании детских костяков в исследованных погребениях...»³⁰. Что же дает ему право так пренебрегать элементарными требованиями арифметики? Соображение о том, что детские скелеты несравненно более хрупки, чем взрослые, и поэтому большое количество их могло не сохраниться до нашего времени. Но ведь речь идет об «исследованных погребениях»! К тому же здесь не учитывается автором одно немаловажное обстоятельство. Можно представить себе, что неандертальский человек не был мальтузианцем и не знал современных противозачаточных средств. Детей рождалось много, выживало из них, конечно, мало. Есть поэтому основание полагать, что если неандертальцы хоронили умерших, то детских захоронений должно было быть значительно больше, чем взрослых. Но среди найденных костяков никакого преобладания детских нет.

Насилие над арифметикой понадобилось здесь В. Ф. Зыбковцу для того, чтобы построить аргументацию в пользу своего истолкования неандертальских погребений. Оно состоит в том, что неандертальские матери хоронили своих умерших детей с целью спасения их останков от съедения остальными членами орды. Это, как считает автор, было первым актом борьбы против каннибализма, знаменовавшей прогрессивное развитие общества, постепенно освобождавшегося от «зоологического индивидуализма». Теория опять получается довольно стройная и опять, к сожалению, находящаяся в явном противоречии с фактами и логикой.

Если бы даже количество детских погребений составляло не меньше половины, а значительно больше, то все равно теория, претендующая на истолкование данного явления, была бы обязана удовлетворительно объяснить факт наличия меньшинства взрослых погребений, — пусть матери прятали трупы своих детей, но кто и зачем прятал трупы взрослых? В теории В. Ф. Зыбковца вопрос остается открытым; это значит, что она ничего не объясняет.

Еще более ярко проявляется ее несостоятельность в том, что, как это точно установлено, в большинстве случаев трупы неандертальцев хоронились в самих местах обитания родственников умерших и живые не покидали после этого свои жилища, а оставались в них, разделяя общество умершего. Чтобы сохранить труп от съедения родственниками (имеется в виду эндоканнибализм или, пользуясь странной терминологией В. Ф. Зыбковца, — эндогамный каннибализм), его нужно было бы не оставлять в месте

²⁶ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 166.

²⁷ Там же, стр. 167.

²⁸ «Сов. этнография», 1952, № 2 и 3.

²⁹ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 207—208.

³⁰ Там же, стр. 208, 218 и др.; В. Ф. Зыбковец, Всегда ли существовала религия, стр. 38—39.

их жительство, а уносить и хоронить в каком-нибудь потайном месте. Как же можно видеть средство охранения трупов от съедения в их намеренном укладывании как раз там, где им в наибольшей степени угрожает эта опасность?

Выступив против «религиозного» истолкования неандертальских погребений, В. Ф. Зыбковец не сказал ничего нового, так как еще в 1952 г. это истолкование подвергалось критике на страницах журнала «Советская этнография», а статья А. П. Окладникова, отстаивавшая его, была снабжена примечанием, в котором редакция отмежевывалась от его взглядов. Но в своих попытках дать самостоятельное объяснение неандертальских погребений, В. Ф. Зыбковец безнадежно запутался. С его истолкованием так же невозможно согласиться, как и с тем, что в основе этих погребений лежал инстинкт опрятности и чистоплотности (С. А. Токарев). Какая уж тут опрятность, если вместо того, чтобы убрать разлагающийся труп подальше, его укладывают в той же пещере, где остаются жить живые?! Не исключено, правда, что его при этом присыпали землей, травой или ветками деревьев. Вряд ли, однако, это сильно меняло дело.

Проблема неандертальских погребений еще ждет своего решения. Нам представляется правдоподобной простая гипотеза, заключающаяся в том, что движимые полубиологическим-полусоциальным чувством симпатии к своему умершему родственнику и не понимая с достаточной ясностью разницы между мертвым и живым, неандертальцы укрывали своих покойников от хищных животных. Не претендуя на то, что эта гипотеза вполне достоверна, мы позволим себе заметить, что она во всяком случае имеет под собой больше оснований, чем то «окончательное» решение вопроса, которое дал В. Ф. Зыбковец.

Вообще неандертальцам не повезло в рецензируемых работах примерно так же, как и тасманийцам. Приведем несколько примеров.

Автор считает, что «мустьерскому» времени должна была исторически соответствовать та форма общественной организации, которая в этнографической литературе носит название «кровнородственной семьи»³¹. Каким-то образом мимо В. Ф. Зыбковца прошли дискуссии в нашей научной литературе, в результате которых выяснилось, что большинство советских историков первобытного общества считает моргановскую теорию кровнородственной семьи не подтвердившейся. Вряд ли автора может извинить здесь то обстоятельство, что процитированная фраза входит в абзац, текстуально списанный из книги П. П. Ефименко³².

Описывая фрески пещеры в Кастильо, автор «поправляет» Обермайера, который усматривает в них следы церемонии первобытной конфирмации. Он дополняет эту гипотезу своей, по которой эта церемония была в данном случае связана не с какими-нибудь культовыми обычаями, а с обучением посвящаемых охоте на бизон³³. Вспомним, что «на рисунке контурно изображены два бизона и по фону рисунка без видимой системы размещены силуэты рук с широко расставленными пальцами»³⁴. Каким образом рисование силуэтов рук на контурах бизонов могло помочь производственному обучению молодых охотников — понять трудно.

Любопытный образец необоснованного умозаключения дает В. Ф. Зыбковец по одному частному вопросу. Он пишет: «Источники не содержат сведений о случаях, когда подлежащий инициации юноша уклонился бы от прохождения всей лестницы испытаний и пыток. Однако случаи подобного рода не только возможны, но и вероятны, поскольку именно тем обстоятельством, что таковые случаи действительно были, единственно объяснима жестокость и сложность церемониала инициаций, направленного, очевидно, на то, чтобы из юношей вытравить дух непокорности, своеволия, свободомыслия»³⁵. Нетрудно видеть, что в этом рассуждении все поставлено на голову.

Странную операцию проделывает В. Ф. Зыбковец в вопросе о первых этапах развития человеческой речи. Он весьма положительно отзывается о действительно ценных работах В. В. Бунака, посвященных этому вопросу. Но использует он эти работы довольно оригинально. Ссылаясь на них, автор заявляет, что «неандерталец мог произносить дифференцированные слова предложения»³⁶. Это можно понять только так, что неандерталец оперировал предложениями, состоящими из дифференцированных слов, т. е., что он владел связной членораздельной речью. Между тем, В. В. Бунак говорил совсем другое: у него фигурируют применительно к неандертальцам «более многочисленные (чем у питекантропа.— И. К.) дифференцированные слова — предложения»³⁷. Имеются в виду отдельные, несинтагмированные слова, не связанные в предложения, а заменяющие собой предложения. Убрав тире между «словами» и «предложениями», автор придал совершенно другой смысл тем правильным положениям, на которые он ссылается.

³¹ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 224.

³² П. П. Ефименко, Первобытное общество, изд. 3-е, Киев, 1953, стр. 234.

³³ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 235.

³⁴ Там же...

³⁵ Там же, стр. 237.

³⁶ Там же, стр. 103.

³⁷ См. сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 282.

* * *

Следует вообще указать на то, что В. Ф. Зыбковец не связывает себя обязательством правильно передавать мысли авторов, на которых он ссылается, а в особенности тех, с кем он полемизирует. Это относится даже к классикам марксизма-ленинизма.

Вот, например, ссылка на Энгельса: «...выражаясь словами Ф. Энгельса, было бы педантизмом отыскание „начала“ всех подобных aberrаций сознания первобытного человека»³⁸. Речь идет о содержании магических обрядов, «наслоившихся на обычай конфирмации». Но ведь Энгельс называл педантизмом совсем другое, а именно — поиски экономических начал всех «первобытных глупостей»!³⁹ Замечание, направленное против «экономической» вулгаризации исторического материализма, В. Ф. Зыбковец превращает в призыв к отказу от выяснения не только экономических, но и всяких «начал»...

Другой пример: «Маркс и Энгельс,— пишет автор,— не употребляют понятия „дорелигиозная эпоха“, но из общего толкования условий и обстоятельств возникновения религии следует, что, по их мнению, такая эпоха в истории человечества несомненно была и что именно в эту эпоху произошло или происходило отделение труда умственного от труда физического»⁴⁰. Нетрудно видеть, что тезис об отделении умственного труда от физического «именно в эту эпоху» приписан здесь Марксу и Энгельсу без всяких оснований.

И уже совершенно не церемонится В. Ф. Зыбковец с теми авторами, которых он по тем или иным причинам подвергает критике. Ему ничего не стоит причислить к лику теологов любого, не угодившего ему, иностранного или советского автора. В эту категорию попадают, например, Э. Тэйлор, Н. Харузин и даже Л. Штернберг. Правда, исследования Тэйлора «в области теории и истории религии сделали эпоху в науке»⁴¹, но приговор В. Ф. Зыбковца все же беспощаден: «Позволительно спросить,— пишет он,— чем по существу отличаются взгляды Тэйлора, Штернберга и Харузина от догмата аббата Бержье, если как тот, так и другие исходят из признания религий извечным свойством человека»⁴². А «догмат аббата Бержье», с которым В. Ф. Зыбковец отождествляет взгляды перечисленных ученых, формулируется в следующей цитате из писаний упомянутого аббата: «Человечество обязано познанием бога и религией не естественному усилению своего ума, но исключительно божественному откровению... Сотворив наших праотца и праматерь, бог научил их сам...» и т. д.⁴³. Вот, стало быть, на каких позициях стоял Тэйлор, а вкупе с ним и Харузин со Штернбергом! Последний, оказывается, «с особой настойчивостью развивал теорию извечности религии»⁴⁴. Тэйлор же не только ничем не отличался от аббата Бержье, но и на руку был нечист, ибо «искусно манипулировал фактами с помощью натяжек, очень близких к фальсификации источников»⁴⁵. Чем так провинились эти прогрессивные в свое время ученые? Только тем, что они признавали бесспорный факт: среди современных народов нет таких, у кого не были бы зафиксированы те или иные религиозные верования.

В теологи попадают у автора и В. К. Никольский с М. С. Плисецким; им инкриминируется «краниологический подход к проблеме происхождения религии»⁴⁶. Автор приводит неопровержимую улику — прямое высказывание В. К. Никольского. У питекантропов и синантропов, писал покойный историк, «не могло быть никакой религии», а в качестве одного из соображений, свидетельствующих об этом, он выдвигал следующее: «в течение многих тысячелетий самый орган мышления, при помощи которого человек вырабатывает представления и понятия, в том числе и религиозные, т. е. мозг, не достиг еще достаточного развития»⁴⁷. Где здесь можно обнаружить теологию? Очень просто: «Авторы подобных краниологических концепций происхождения религии оказываются, в сущности, на теологической позиции в том отношении, что они ратуют за извечность религии»⁴⁸. Но ни В. К. Никольский, ни М. С. Плисецкий и не собирались ратовать за извечность религии, да и «краниологическая концепция» есть не что иное, как плод фантазии В. Ф. Зыбковца.

В. К. Никольский оказывается причастным и к другому неблагоприятному делу — он будто бы занимался пропагандой идеалистических взглядов Леви-Брюля. Основание для такого обвинения то, что он опубликовал два предисловия к русским изданиям французского ученого. В этих статьях В. К. Никольский критиковал концепцию Леви-Брюля, но рекомендовал вниманию читателя собранные им богатые фактические мате-

³⁸ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 236.

³⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, О религии, М., 1955, стр. 218.

⁴⁰ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 24.

⁴¹ Там же, стр. 22.

⁴² Там же, стр. 24.

⁴³ Там же, стр. 16.

⁴⁴ Там же, стр. 23.

⁴⁵ Там же, стр. 190.

⁴⁶ Там же, стр. 40.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 41.

риалы. В компании с В. К. Никольским оказываются П. Окладников и П. И. Борисковский. Их левизбрюлистское грехопадение почему-то связывается с «официальным положением Марра в качестве председателя Государственной Академии истории материальной культуры» и доказывается глухой ссылкой на две работы этих ученых, опубликованные в 1950 и 1952 гг. Как известно, к этому времени давно умер «председатель Государственной Академии» и теории его были подвергнуты критике. Самое важное, однако, что ни П. И. Борисковский, ни А. П. Окладников никогда не были последователями Леви-Брюля. Не пора ли, наконец, прекратить практику приклеивания порочащих ярлыков честным советским ученым?!

Во всей истории марксистской и, в частности, советской науки В. Ф. Зыбковец находит лишь несколько человек, стоявших на правильном пути в теории дорелигиозной эпохи, и среди них — И. И. Скворцов-Степанов и Ем. Ярославский. «Однако утверждения названных авторов имели по преимуществу умозрительный характер, поскольку состояние источников позволяло описать сознание древнейшего человека лишь в самом общем виде»⁴⁹. Таким образом, именно В. Ф. Зыбковец прокладывает новые пути в этом вопросе, он использует «выдающиеся открытия последних 30—40 лет». В эти последние открытия зачисляется, между прочим, и находка питекантропа⁵⁰. А главное, ведь оперирует-то В. Ф. Зыбковец материалами по тасманийцам, собиравшимся больше ста лет назад, да и из неандертальских погребений большинство было открыто при жизни как Скворцова-Степанова, так и Ярославского. Ссылка на вынужденную умозрительность построений этих теоретиков оказывается, таким образом, простой маскировкой стремления показать, что сам автор открыл новую страницу в истории науки.

Г. В. Плеханов тоже оказывается в немилости у В. Ф. Зыбковца. Дело в том, что выдающийся марксистский теоретик благодарительно отозвался в свое время о книге французского философа М. Гюйо «Безверие будущего». А Гюйо был в изображении В. Ф. Зыбковца вместе с Э. Ренаном автором теории врожденности религиозного инстинкта. Автор выражает удивление по поводу того, что Плеханов-де не заметил у Гюйо этой зловредной идеалистической теории. Далее следует настоящая нотация по адресу Плеханова, который по «непонятым причинам рекомендует читателям именно ту первую часть книги, где описывается „инстинктивная религия“». «Представляется по меньшей мере необоснованным,— распекает Зыбковец выдающегося марксистского философа,— заявление Плеханова о том, что книга Гюйо может «способствовать рассеянию густого тумана невежества, покрывающего у нас религиозный вопрос». На наш взгляд, перенесение проблемы происхождения религии из сферы сознания в сферу инстинктов, как поступает Гюйо, не только не способствует «рассеянию густого тумана...», но делает этот туман еще более непроницаемым»⁵¹. И все это впустую! Ибо Гюйо не только не был соавтором Ренана в теории врожденности религии, а наоборот, очень горячо полемизировал против того же Ренана по этому самому вопросу. Вот его точка зрения: «Совершенно не согласно с духом философского мышления — все сводит к инстинктам, чтобы затем увидеть в инстинктах бессознательные намерения, в намерениях — доказательство плана, в плане — доказательство бога. Идя таким путем дальше, Ренан не преминул бы найти в религиозном инстинкте самое решительное доказательство существования самого бога. По нашему мнению, в начале развития не было иного инстинкта, кроме инстинкта личного самосохранения и инстинкта социального тесно связанного с первым»⁵². Выходит, что напрасно В. Ф. Зыбковец громил свободу мыслящего философа М. Гюйо и распекал положительно отзывавшегося о нем Г. В. Плеханова.

* * *

В заключение — несколько слов об экскурсах В. Ф. Зыбковца в область философии.
Одна глава его книги носит название «Труд, мышление и сознание». Можно было бы подумать, что такое разделение понятий мышления и сознания предпринято в чисто методических целях, чтобы в ходе изложения раскрыть их действительное соотношение. Оказывается, однако, что автор просто не понимает того, как они соотносятся. После пространных рассуждений по этому вопросу он подводит такие «итоги нашего рассмотрения гносеологических категорий»: «Мышление — это рефлекторная, т. е. отражательная деятельность особым образом высокоорганизованной живой материи... Сознание — это содержание мышления. Сознание есть общественная и личная практика людей опосредованной, обобщенной, отраженной форме, т. е. в форме понятий»⁵³. По принятой в нашей философии и психологии системе понятий, сознание и мышление находятся между собой как раз в обратном отношении по сравнению с тем, как представляется себе В. Ф. Зыбковец. К тому же считать содержанием мышления сознание — значит становиться на идеалистические позиции. Мы уверены в том, что это никак не входило в намерения автора и произошло только в результате той теоретической беззаботности, которая характеризует все содержание рецензируемых изданий. Что стоит хотя бы такое гносеологическое высказывание автора: «Мышление человека принципиально от

⁴⁹ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 34.

⁵⁰ Там же, стр. 35.

⁵¹ Там же, стр. 45.

⁵² М. Гюйо, Безверие будущего, СПб., 1908, стр. 23.

⁵³ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 119.

личается от мышления высших животных тем, что оно (мышление человека) протекает по законам физического труда...»⁵⁴.

Много страниц посвящает автор разграничению понятий «мировоззрение» и «идеология». Мы не можем в рамках данной рецензии заниматься выяснением этого вопроса по существу. Укажем только на то, что уровень этих рассуждений В. Ф. Зыбковца не плохо иллюстрируется такими, например, заявлениями: «Не существует в природе „реакционного буржуазного мировоззрения“, речь может идти только о реакционной буржуазной идеологии»⁵⁵. Не менее выразительно то определение понятия «мировоззрения или миропонимания», которое выводится автором из всех его рассуждений по этому вопросу: «...такая сторона общественного сознания, такое живое отражение общественного бытия в сознании, которое характеризует общее концептуальное отношение к внешнему миру и к внутреннему бытию человека, как со стороны общества, так и со стороны отдельной личности»⁵⁶. В другом месте сказано еще мудренее: «...сторона общественного сознания, выражающая общую концептуальную связь познанного и непознанного...»⁵⁷. Кому и для чего нужна эта мнимочуждая словесность?

* * *

В тематике научно-атеистической пропаганды вопрос о происхождении религии занимает видное место. Тем более недопустимо, что появляются столь неудачные работы по этому вопросу. Необходимо предъявить нашим историкам первобытного общества требование — дать, наконец, в руки пропагандистов добротные марксистские монографии и научно-популярные труды, освещающие проблему возникновения и ранних форм религии, на уровне, соответствующем современной ступени развития советской науки.

И. А. Крывелев

НАРОДЫ СССР

Сибирский этнографический сборник, III. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, новая серия, т. LXIV, М.—Л., 1961.

Со времени основания Академии наук исследование жизни, хозяйства и быта народов Сибири, их истории и происхождения является одним из важных направлений русской этнографии. Традиционная культура народов Сибири, их этногенез привлекают внимание и советских этнографов. Для понимания работы, ведущейся в этой области, несомненный интерес представляет изданный в серии трудов Института этнографии АН СССР «Сибирский этнографический сборник», III. Он состоит из пяти статей.

Сборник открывается статьей В. А. Александрова «Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII — начала XVIII в.». Эта тема сложная и весьма важная для характеристики процесса русской колонизации Сибири и образования там постоянного населения, остается пока не разработанной. Статья В. А. Александрова, посвященная главным образом изучению семейного строя крестьян и посадских людей Енисейского края, вносит много интересного в разработку этой темы. В отличие от своих предшественников, занимавшихся, впрочем, не столько семейным строем, сколько «женским вопросом» в Сибири и рассматривавших все русское население как сплошную однородную массу, автор подошел к различным категориям русского населения дифференцированно. Отметив, что промышленники были обычно бессемейными, что многие служилые люди были «бездомовыми» одиночками, он привел убедительные свидетельства о том, что крестьяне и посадские жили в основном семьями.

Анализ писцовых и переписных книг показал, что среди крестьян в 1669 г. семейные составляли 77,1%, среди посадских — 73,2%, тогда как среди русских служилых людей — всего 30%. Значительная часть русских жила большими неразделенными семьями. Таким образом, крестьяне перенесли в Сибирь русские большесемейные традиции. И хотя в конце XVII в. пришлые русские обзаводились семьями уже именно в Сибири, эти традиции продолжали существовать. Несомненно интересен материал о том, что большинство русских переселенцев в Енисейский край было женато на русских женщинах. Данные, приведенные в статье, позволяют отказаться от мнения, проникшего в до-революционную литературу, об общей уродливости семейного быта русских старожил Сибири.

⁵⁴ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 244.

⁵⁵ Там же, стр. 115.

⁵⁶ Там же, стр. 116.

⁵⁷ Там же, стр. 119.